
Финал

Взблески дождя на сетчатке застыли расплывчатыми серыми тенями. Юноша осознал, что мир вокруг окончательно померк, утратив былую резкость — лишь лицо Чу Сюня, его смеющиеся глаза и знакомые черты оставались пугающе отчетливыми.

Изгиб уголков глаз этого человека, острый, точно лезвие бритвы, пробуждал в его памяти те самые первые воспоминания об их встрече.

Странно: прошло восемь лет, но Чу Сюнь ничуть не изменился.

Это мгновение казалось зыбким наваждением. Ему почудилось, будто он вовсе не стоит под ливнем, а его возлюбленный, которого он только что целовал, вовсе не покушается на его жизнь. Вспомнилось, как десять лет назад, среди льда и снегов, тот, не колеблясь ни секунды, выпустил в него пулю. И тогда она не прошла мимо.

Но Ло Хуай больше не был тем беспомощным юнцом, не знающим жизни.

Собеседник сам обучил его всему. Проведя восемь лет в пучине интриг и бесконечной борьбы, юноша вполне мог избежать рокового ранения. На столь близком расстоянии, когда дыхание смешивается с дыханием, он мог бы даже попытаться убить Чу Сюня в ответ, забрав его с собой в могилу.

Но Ло Хуай не шевельнулся.

Рукоять зонта бесшумно выскользнула из его пальцев, падая в грязь. Ночной ливень обрушился на город с новой силой.

Удивительно, но в этот миг он не почувствовал боли.

И дождь не коснулся его кожи.

Время и пространство словно замерли, превратившись в неподвижный кадр.

Ло Хуай не мог пошевелить и пальцем. Он лишь ощущал, как Чу Сюнь небрежно притягивает его к себе, обнимая. Мужчина мягко коснулся пальцами прядей на его затылке, запечатлел невесомый поцелуй на его веках, которые тот не успел сомкнуть, и тихо, с едва уловимым

смешком, прошептал:

— Какой послушный.

Сразу после этого Чу Сюнь хладнокровно вскинул пистолет и нажал на курок, целясь в пустоту улицы. Пуля, вылетевшая из ствола с бешеной скоростью, мгновенно замедлилась и застыла в воздухе, а среди неподвижных капель дождя поднялся поток неземного серебристо-голубого сияния.

[Безрассудство!]

В этом голосе звучала яростная мощь. 059, до этого прятавшийся в системном пространстве, поспешно принял свою истинную форму.

Система заговорила прежде, чем Чу Сюнь успел открыть рот:

— Ваше Превосходительство Смотритель, в случившемся виновата лишь моя халатность...

[Халатность, 059? Еще секунда — и этот мир снова оказался бы на грани краха. Твой Носитель даже не пытался смягчить удар; он бил на поражение, желая уничтожить Главного героя.]

059 на мгновение замолк.

«Что и следовало ожидать от Чу Сюня», — пронеслось в его кодах.

Едва осознав, что Бюро вышло на его след, Чу Сюнь наверняка тут же выстроил этот план.

Ло Хуай, как Главный герой, был сердцем этого мира. По законам мироздания, находясь под защитой судьбы, он должен был найти выход из любой, даже самой безнадежной ситуации.

Чу Сюнь нажал на курок, зная, что нынешний Ло Хуай способен уклониться от смертельного выстрела. На этой улице были сотни его людей, и он никак не мог погибнуть здесь.

Но Ло Хуай не стал уворачиваться.

А Чу Сюнь не стал промахиваться.

И у Бюро Пространства-Времени просто не осталось выбора — им пришлось вмешаться.

Чу Сюнь не был игроком и никогда не полагался на слепую удачу. Для него существовало лишь

два исхода задачи: успех или провал.

Он был уверен, что Ло Хуай не шелохнется — доверие маленького господина всегда оставалось непоколебимым. Он знал, что информация от 059 верна, и был убежден: у миров, которыми так дорожит Бюро, обязана быть причина, по которой им нельзя позволить рухнуть.

Все шло именно так, как он рассчитал.

Чу Сюнь взглянул на поток данных и тонко улыбнулся. Затем он совершенно спокойно повернулся к 059 и вежливо произнес:

— Присмотришь за Ло Хуаем минут пять?

Система инстинктивно пискнула в ответ. Стоило Чу Сюню отпустить Ло Хуая и сделать шаг вперед, как 059 тут же подлетел к застывшему Правителю, охраняя его покой.

Серебристо-голубой поток данных отозвался ледяным голосом:

[Заклученный Чу Сюнь. От имени Бюро Пространства-Времени и как Смотритель, ответственный за порядок в мирах, я выношу тебе приговор. Ты вернешься в Пустоту, чтобы продолжить свое вечное наказание.]

Бесстрастный приговор прозвучал в тишине, но Чу Сюнь лишь рассмеялся — дерзко и вызывающе, точно истинное порождение зла, не знающее узды.

Он лениво выхватил из-за пояса короткий изогнутый клинок. Металл, из которого он был выкован, казался чужеродным для этого мира, но больше всего пугала запекшаяся на нем кровь — слой за слоем, свидетельство бесчисленных смертей.

Чу Сюнь кончиками пальцев стер багровый след с острия клинка. В его серебристо-голубых глазах вспыхнул недобрый огонек — так смотрит хищник, загнавший самую ценную добычу.

Этот нож не принадлежал этому миру; Чу Сюнь всегда носил его при себе.

Смертоносный блеск отразился в его глазах, когда он заговорил с пугающим воодушевлением:

— Самым успешным моим заданием было то, где я этим самым клинком перерезал артерию целого мира.

— Ло Хуай и его верхушка сейчас здесь. Они ведь незаменимы для существования этой реальности, верно? Ты остановил время, чтобы спасти жизнь Главного героя, а значит, твои

возможности по моей ликвидации временно ограничены.

— Как думаешь, успею ли я вырезать каждого на этой улице до того, как исчезну окончательно?

— И хватит ли у тебя сил меня остановить?

Застывший свет неоновых вывесок отразился в зрачках Чу Сюня, сверкнув кровавым отблеском из-под серебристо-серых прядей.

Он был в предвкушении.

Тот человек, что с нежной усталостью потакал капризам Ло Хуая, был лишь маской Носителя 059. Но сейчас перед Смотрителем стоял иной Чу Сюнь — измученный неволей заключенный, в чьих глазах пылала жажда первобытного насилия.

Смотритель был лишь набором данных, но даже эта структура содрогнулась от непривычного, почти человеческого страха.

Он вспомнил их первую встречу. Это было бесконечно давно, в одном из забытых низкоранговых миров.

Поначалу за тем миром присматривали лишь рядовые сотрудники — этого было достаточно, ведь сценарий, прописанный Мировым сознанием, умещался в две строчки:

«Главный герой Чу Сюнь, пройдя через все испытания, становится выдающимся наемником».

«Сохранив доброе сердце, он использует свою силу во благо и защищает мир».

Поскольку сценарий был слишком кратким, маленькому Чу Сюню пришлось «вкусить» каждое из этих испытаний сполна.

Каждый человек сталкивается с трудностями, и юный Чу Сюнь поначалу верил, что это лишь проверка его духа.

Он пережил гибель всей семьи, когда кровные узы были разорваны в клочья. Прошел через рабство, жестокие тренировки, плен в секретных лабораториях. Весь этот земной ад был нужен лишь для того, чтобы наделить его «навыками» и сделать из него «образцового» героя.

Разумеется, к финалу Чу Сюнь возненавидел этот мир. Никто не способен сохранить «доброе сердце», пройдя через подобное.

Он презирал несправедливость судьбы и грязь человеческих душ, а потому бесцельно скитался по свету, наслаждаясь лишь вином, табаком и всем, что могло подарить минутную радость.

В конце концов, он решил найти тихое место, чтобы навсегда похоронить свою скучную жизнь.

Но тут начались странности.

Какие-то люди без всякой причины искали его расположения, осыпали его добротой, клялись ради него жить и умирать. Если раньше Чу Сюнь знал лишь чистое зло, то теперь столкнулся с абсолютным, кристальным добром.

Любое сердце, даже каменное, дрогнуло бы от такой привязанности. Тем более сердце Чу Сюня, никогда не знавшее любви.

Но он не был глупцом. Он быстро почуял фальшь за этим беспричинным милосердием.

Он затащил в подвал очередного «белого лунного света», закрывшего его собой от пули, и медленно приподнял клинком его лицо, желая как следует поиграть с этим «добрым» человеком.

К сожалению, тот не выдержал. В истерике он закричал, что этот герой идет не по сценарию!

«Сценарий?..»

Чу Сюнь не смог сдержать смеха.

Он смотрел, как этот человек исчезает у него на глазах, а потом долго сидел, подперев подбородок рукой, и думал.

Если характер человека и его страдания заранее прописаны в чьем-то блокноте, а сами они заперты в декорациях фальшивого мира, где должны расти по команде...

То насколько же скучен этот мир?

Яркий свет ламп заливал глаза Чу Сюня. Он сидел на холодном полу, тихий и неподвижный, точно искусно изваянная статуя.

Прекрасен, но лишен свободы воли.

До того самого момента, пока его клинок не покинул ножен.

Бесчисленные власть имущие пали от его руки. Одержимые жаждой наживы люди наперебой нанимали юношу, который, казалось, самой природой был создан для убийства. Но когда они спохватились, события уже неслись к пропасти, сметая все на своем пути.

Именно такую картину застал Смотритель, прибывший для задержания Чу Сюня.

Окруженный в бескрайней снежной пустыне, человек стоял в одной лишь легкой рубашке, словно не замечая ледяного ветра. Все его тело было припорошено снегом, а кожа казалась почти прозрачной и хрупкой, но никто из преследователей не смел сделать и шага.

Белая ткань была пропитана кровью до самого подола. Чу Сюнь стоял на краю обрыва, а перед ним громоздились горы трупов.

В самом конце он лениво прищурился и негромко спросил:

— Неужели мое существование наводит на вас такой ужас?

Никто не посмел ответить.

Чу Сюнь довольно рассмеялся.

— Вот теперь правильно. Теперь это имеет смысл.

— Потому что я никогда... никогда не был тем добрым героем из вашей сказки.

Насладившись страхом врагов, он раскинул руки и рухнул в бездну, с абсолютным спокойствием принимая смерть.

Он наигрался. Все, чего он хотел в конце — это вечный сон.

Но покой не наступил.

Пока он был жив, Бюро было обязано его задержать. И по иронии судьбы, в момент захвата в нем еще теплилась жизнь.

И тогда, когда его навсегда запирали в Пустоте, Чу Сюнь почти ласково прошептал на ухо Смотрителю:

— Больше всего на свете я ненавижу, когда меня лишают права выбора.

— Начинай молиться, чтобы мы больше никогда не встретились.

— Иначе...

Он не договорил. Смотритель запомнил лишь его силуэт, исчезающий во тьме, и два тихих, зловещих смешка.

— Хватит мучить его.

В тот миг, когда Чу Сюнь готов был сорваться с цепи, Главный Бог Бюро Пространства-Времени отозвал полномочия Смотрителя.

Бродячая кошка, невесть откуда взявшаяся на улице, запрыгнула на крышку мусорного бака и с усмешкой заговорила человеческим голосом:

— Похоже, ни Смотрителю, ни 059 с тобой не совладать. Ведь Ло Хуай, благодаря твоей выходке, уже начал осознавать фальшь этого мира.

— Если герой сходит со сценария и обретает собственное сознание... нам остается лишь с сожалением отказаться от него. Тем более что ранг этого мира слишком высок, чтобы мы могли его просто стереть.

— Так что Ло Хуаю повезло. Теперь он действительно может переписать свою судьбу вместе с этим миром и прожить ту жизнь, которую выберет сам.

— Но Чу Сюнь... Раз уж я здесь, тебе точно не сбежать.

Кошка дернула хвостом и с любопытством спросила:

— Неужели ты специально выманил меня? У тебя ведь давно был шанс сбежать со стопроцентным успехом. Зачем ты ввязался в историю с Ло Хуаем и довел ситуацию до этого?

Чу Сюнь посмотрел на кошку и, на удивление спокойно, ответил:

— Я покинул Пустоту только потому, что заключил пари с твоим бывшим сотрудником.

— Он утверждал, что тебя крайне интересуют человеческие чувства. И что если даже узник Пустоты познает нечто под названием «любовь», ты с радостью даруешь нам свободу, чтобы понаблюдать за результатом.

— Разумеется, я согласился тогда не потому, что верил, будто смогу кого-то полюбить... Я просто воспользовался лазейкой для побега. И только.

Кошка хмыкнула и, взглянув на 059, все еще охранявшего Ло Хуая, покачала головой:

— Я всегда говорил, что эту партию систем не стоило делать ради забавы. Особенно этих двоих...

— Что ж, мой бывший коллега оказался прав. Мне и впрямь любопытно, чем закончится ваша история с Ло Хуаем. Надеюсь, финал меня не разочарует.

Главный Бог милостиво отпустил несчастное животное, служившее ему временным сосудом, и снял надзор Бюро над этим маленьким миром. Одновременно с этим статус Чу Сюня перестал быть статусом заключенного.

Но перед тем как уйти, он задал Чу Сюню последний вопрос:

— Мне всё же интересно: как тебе удалось заставить Ло Хуая добровольно пойти на смерть ради тебя?

Но Чу Сюнь не успел ответить.

Он был слишком занят тем, что бережно подхватил Ло Хуая, к которому вернулась способность двигаться, и снова раскрыл упавший зонт.

Дождь продолжал падать с небес, но под куполом зонта царила безмятежная тишина. Юноша прильнул к шее Чу Сюня и медленно поднял взгляд. Когда их глаза встретились, показалось, будто между ними пронеслась целая вечность ледяных зим.

Трудно было сказать, кто первым начал этот поцелуй.

Но в этом тихом жесте, в тепле дыхания, растворился и ответ юноши.

«Потому что я люблю его»

«А когда я иду к нему, я никогда не оглядываюсь назад»

Чу Сюнь ненавидел подолгу оставаться на одном месте, ненавидел тех, кто пытался его удержать, и презирал любые сценарии, лишаящие его свободы.

Но полюбить Ло Хуая — это был личный выбор Чу Сюня. Его собственная свободная воля.

И это не имело никакого отношения к сценариям. Только к нему и Ло Хуаю.

<http://bllate.org/book/15843/1436255>